

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-84 и 1-20-85.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1-20-85.

№ 17.

13 Мая 1922 года.

№ 17.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи: „Ответ старой адвокатуре“—*Лисицын*. „Имущественные преступления по проекту Уголовного Кодекса“—*проф. Гродзинский*. „Семейно-имущественные разделы“—*Чернов*. „Заметки судьи по делам о выселениях“—*Сорокин*. „К вопросу о границах действия условного осуждения“—*Кантор*. „Обзор советского законодательства за время с 19 по 27 апреля в/г.“—*Дронович*. Суд и жизнь: „Удар по церковной контр-революции“—*Ростовский*. „Сопrotивление изъятию церковных ценностей“.— „Суд на борьбу с голодом“. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: Практика Высшего Судебного Контроля.—*Хроника*.— Почтовый ящик.—Официальная часть.

Ответ старой адвокатуре.

Впервые после Октябрьской революции на страницах нашей прессы появились снова имена людей, говорящих от имени адвокатуры, как сословия.

Почин сделали «Известия ВЦИК» своими анкетами о генуэзской конференции, когда вдруг из небытия вынырнули фигуры **присяжных поверенных**, высказывающих свое мнение о советской юстиции.

В № 102 «Известий ВЦИК» от 10-го мая адвокаты определенным образом рекламируются и выступают сами, как отдельная общественная группа, на знамени которой туманно написано: «защита всех прав, предоставленных гражданам законом», и даже «защита социально-слабых и маломощных элементов страны».

Почему «Известия» находят вопрос об адвокатуре настолько злободневным и требующим внимания рабочих и крестьян, оставляя до сего времени в совершенной неизвестности вопросы судебной работы, мы не понимаем, но для нас ясно, что за громкими словами старых присяжных поверенных кроется политика и политика ненависти к революции и к созданному революцией народному суду.

Подводить итоги деятельности народного суда, работающего без прокурора и адвоката будет история и, в первую очередь, те, кто имеет право на то или как советский судебный работник, или вследствие объективного изучения материалов.

Поэтому необходимо сохранить архивный материал народных судов, ибо уже теперь на нас клеветают люди, всеми своими корнями завязшие в дореволюционной эпохе, когда не было места в суде трудящимся, когда фигуры сенаторов, обер и просто прокуроров и прочей чиновной судебной своры были более понятны сердцу и уму адвокатов.

Народный суд работал без нас, старых адвокатов, значит не было правосудия и только теперь при нашей помощи, если власть станет на государственную (?) точку зрения, начнется эра создания в России судов. Таков смысл анкеты члена совета юридического общества (еще одно кадетское детище выглянуло на свет) Н. К. Муравьева в № 102 «Известий». Он говорит буквально следующее:

«Только самостоятельная адвокатура может быть влиятельным фактором постепенного поднятия на должную высоту правосудия в стране».

Гражданин Муравьев и ему подобные слишком смело отрицают завоевание революции, каким является пролетарский суд. Пусть они скажут прежде всего, какое правосудие было в царских судах, в которых они подвизались, как адвокаты. Не голословными утверждениями, а фактами докажите, что этот упраздненный революцией суд был хорош и что наш народный суд хуже. Докажите, что трудящиеся в вашем старом суде встречали правосудие, а в нашем нет правосудия.

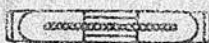
Старые адвокаты, повидимому, теперь намерены идти работать в народный суд, но начинают они с того, что подрывают к нему доверие и уважение рабочих и крестьян голословными, если не более, мнениями в прессе. Мы скажем таким адвокатам—лучше вам не покидать тихое пристанище в советских канцеляриях, где вы обретались в течение всей революции.

«Еженедельнику» будет защищать и доказывать, что народный судья, выдвинутый в революцию, несравненно выше по содержанию чисто судейской работы не только затхлого чиновничьего царского судьи в России, но и любого судьи в Европе.

Этот судья революционной эпохи, может-быть, грубо по-рабочему, по-мужицкому, но творит новое рабочее право, он является живым образом полного отрицания судейского профессионализма и бюрократизма. Пока еще не ушли со сцены скромные фигуры судей-пролетариев, работавших с самого основания народного суда, наша обязанность принять меры к любовному изучению минувшей деятельности народного суда. Вот по-

чему следует прекратить уничтожение архивов, что продельвается равнодушной рукой во многих местах, но, напротив, бережно собрать и сохранить в центре хотя бы часть архивов Москвы, Петрограда и других крупных городов за первый период существования народного суда 1918—1919 года, чтобы теперь же приступить к разбору и изучению этого материала.

А. Лисицын.

Имущественные преступления по проекту Угол. Кодекса.

(Окончание*).

Переходя от подразделения деликтов, входящих в общее понятие похищения, к рассмотрению содержащихся в проекте Уголовного Кодекса формул, определяющих эти деликты, должно остановиться на неправильной, по нашему мнению, диспозиции, содержащейся в статьях, говорящих о грабеже и разбое. Определение грабежа, содержащееся в 177-й ст., является недостаточным и несоответствующим тем основным соображениям, которые привели законодателя к необходимости выделения этого вида похищения в особое преступление. В самом деле, если суть заключается в способе действий, т. е. в совершении похищения не тайно, украдкой, а на виду, то совершенно безразлично, действовал ли похититель заведомо на глазах у потерпевшего или у посторонних лиц. Поэтому 177-я статья без всяких оснований суживает понятие грабежа, определяя его, как похищение в присутствии потерпевшего, и умалчивая о всех других лицах, причем, такое узкое понимание грабежа приведет к явно неправильному выводу и к признанию кражей, т. е. тайным похищением, похищения совершенного на глазах у посторонних лиц, но оставшегося незаметным для потерпевшего. Вряд ли нужно доказывать, что такое смешение понятий нежелательно и притом совершенно не соответствует намерениям самого законодателя.

Но сказанным не ограничиваются дефекты 177-й ст. Определяя грабеж, как открытое похищение в присутствии потерпевшего, статья эта не дает того отличительного признака, который является характерным для открытого похищения и который заключается вовсе не в том, что потерпевший присутствует при похищении, каковое присутствие имеется часто и при тайном похищении, например, при так называемой карманной краже, центр тяжести лежит в том, что похищение совершается заведомо на глазах у потерпевшего или других лиц и именно этот момент и должен быть подчеркнут законом.

Гораздо более существенными являются поправки, в которых нуждается 179-я статья.

Разбой определен проектом, как «открытое с целью похищения имущества нападение с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем». С первого же взгляда становится очевидным, что определение это центр тяжести и самую сущность разбоя видит в нападении, между тем как нападение вовсе не является обязательным при разбое и, кроме того, сущность

разбоя, как и кражи и грабежа, заключается в похищении имущества, каковой момент и должен быть выявлен. Отступление от этого единственно возможного положения сделано проектом под прямым влиянием Уложения 1845 года, которое также определяло разбой ни как похищение, а как нападение с целью похищения, и этим делало ошибку, неоднократно отмеченную в литературе.

Что же касается насилия, образующего состав разбоя, то и оно определено не с достаточной ясностью и полнотой. Выше уже было указано что признак опасности, грозящей смертью или увечьем, недостаточен и не охватывает ряд случаев тяжкого насилия. К этому должно прибавить, что средством похищения может быть не только физическое или психическое насилие, но и другой способ действий, проектом не предусмотренный, именно приведение потерпевшего в бессознательное состояние. Практике известны случаи ограбления посредством опьянения жертвы; случаи эти не были предусмотрены Уложением о наказаниях, почему сенату приходилось в решениях своих разъяснять юридическую природу этого преступления. Равным образом, и проект, обходя молчанием эти случаи, создает необходимость в будущем соответствующих разъяснений. Таким образом, и здесь очевидным представляется прямое влияние Уложения 1845 года на проект и нельзя не пожалеть что последний не принял во внимание содержащееся в Уголовном Уложении 1903 года точное и правильное определение разбоя и предпочел заимствовать неудачное определение отжившего свой век Уложения о наказаниях.

Если содержащиеся в проекте определения нуждаются, как ясно из сказанного выше, в ряде поправок, то это же, хотя и в меньшей степени, должно быть отнесено к детализации, проводимой проектом в отношении отдельных видов рассмотренных деликтов. Как положительное явление должно быть отмечено, что проект отказался от столь же многочисленных, сколь и необоснованных квалифицированных видов кражи, каковы кража ночью, в пути, со взломом и др.; выделенные же проектом случаи кражи в государственных складах, из вагонов, судов, в частности кражи, совершенные лицами, имеющими доступ к этим местам благодаря своему служебному положению, вполне правильно отмечены законодателем, как имеющие особо важное значение в условиях текущего момента. Но того же нельзя сказать относительно таких квалифицированных видов, как кража, совершенная с применением орудий или инструмен-

*) См. № 16 „Еж. Сов. Юст.“.

тов, или других технических приспособлений, или приемов. Выделяя этот вид кражи, как более тяжкий, проект подчеркивает значение чисто внешнего момента, вовсе не связанного с субъективными особенностями преступника, что составляет отступление от принципов, провозглашенных в общей части проекта и кладущих в основу прежде всего особенности личности преступника и степень его антисоциальности. Между тем трудно допустить, чтобы применение орудий или инструментов знаменовало всегда большую опасность деятеля, тем более что понятие орудия, инструмента, технического приспособления или приема столь широко, что под него может быть подведено едва ли не все, что угодно. Думается нам, что в проект следовало бы не вводить этот признак, сильно напоминающий пресловутую кражу со взломом, которой уделяли так много незаслуженного внимания и Уложение о наказаниях и даже Уголовное Уложение. Поэтому правильное было бы, если бы проект отказался от перечисления внешних признаков, а ограничился бы общим указанием на повышенную наказуемость кражи, совершенной при обстоятельствах, доказывающих особую опасность преступника.

Далее проект совершенно обходит молчанием так называемые привилегированные виды кражи, именно кражу, совершенную по нужде. Несмотря на то, что проект вообще дает широкий простор судье при назначении наказания за простую кражу и дает возможность дойти до 7 дней принудительных работ без лишения свободы, все же надлежало выделить указанный выше случай, обложив его особо мягким наказанием в виде краткосрочных принудительных работ и общественного порицания, безусловно исключив возможность применения лишения свободы. Еще с большим основанием все сказанное может быть отнесено к случаям похищения в незначительном количестве предметов питания, когда похищение имело целью непосредственное удовлетворение нужды виновного. Этот особо-извинительный вид кражи, предусмотренный многими законодательствами (Mauserei—германского права, Naskeri—норвежского кодекса), несомненно должен быть введен в будущий русский Уголовный Кодекс, который, исключая и в этом случае лишение свободы, выгодно отличался бы от западно-европейских

кодексов, которые и в этом случае иногда назначают лишение свободы, хотя и краткосрочное.

Наряду с допущенным в кодексе пробелом относительно «привилегированных» видов кражи должно отметить и другой пробел, именно, в части, касающейся репрессии в отношении привычных преступников. Именно в области имущественных преступлений особо часто встречаются привычные преступники, между тем VI глава проекта уделяет этому вопросу недостаточно внимания. 175 ст. назначает повышенную репрессию для лица, занимающегося кражами, как профессией, но это далеко не разрешает вопроса. Виновный может быть привычным преступником и иметь своей профессией не только кражи, а всякого рода имущественные преступления, переходя от кражи к грабежу, затем к вымогательству, мошенничеству и т. д. В данном случае проект повторяет ошибку Уложения о наказаниях, которое знало только специальный рецидив от кражи к краже, от мошенничества к мошенничеству и т. д. Ошибка заключается в том, что при этой системе недостаточно учитывается момент социальной опасности виновного, которая, конечно, одинакова как в том случае, когда преступник совершает одни лишь кражи или грабежи или переходит от одного вида имущественного преступления к другому. Поэтому правильнее была система Уголовного Уложения, которая расширяла понятие рецидива при имущественных преступлениях и в счет преступлений при рецидиве включала одинаково воровство, разбой, вымогательство и мошенничество; проект поступил бы гораздо более согласно со своей общей частью, если бы и в данном вопросе не пошел за Уложением о наказаниях.

Из всего сказанного выше вытекает с достаточной очевидностью, что проект Уголовного Кодекса, внося много нового и ценного, отказываясь от прежней чрезмерной детализации и усиливая значение субъективных особенностей личности преступника, в то же время далеко не в достаточной мере проводит свои принципиальные положения в вопросе о краже, грабеже и разбое. Именно здесь, где требовалось больше обобщений, больше новаторства, особенно сильно чувствуется влияние Уложения 1845 года, система которого резко не соответствует всей системе и духу нового Уголовного Кодекса, создаваемого для новой России.

Проф. М. Гродзинский.

Семейно-имущественные разделы*).

Получившие за последнее время эпидемический характер дела о семейно-имущественных разделах в деревне, действительно, требуют создания целого ряда правил для действующих.

Как народному судье с самого начала организации суда на территории РСФСР, мне неоднократно приходилось принимать участие в рассмотрении дел земорганами о семейно-имущественных

разделах и что же?—я встретил полное отсутствие принципиальных понятий у земорганов в таком рода делах: в результате пред глазами земорганов проходит целый ряд дутых (фиктивных) разделов. Объясняется это очень просто: в селении, напр., имеется фондовая усадьба и вот, домохозяин, имеющий двух сыновей, одного из них выделяет с целью захвата усадьбы и получения леса на постройку; вслед за этим случаем возникает такой же, аналогичный в другой семье и, таким образом, рост дел увеличивается до невероятности. О кассационной инстанции земорганов, говорить

*) Печатается в дискуссионном порядке в связи с ст. Щетинина „Крестьянские разделы“ (см. № 10 Еж. Сов. Юст.) Редакция.

не приходится, там наскоро утверждают такие разделы, так как поводы к их отмене зачастую отсутствуют, а заинтересованная сторона—общество, по своей неопытности, а более всего отсутствию правил о разделах, возразить ничего не может.

Не буду возражать принятому Всероссийским съездом работников юстиции пожеланию о прикреплении к компетенции народного суда дел по спорам и тяжбам о семейно-имущественных разделах и ряда других дел, но остановлюсь на том, что к таким делам, как семейно-имущественные разделы, следует приступать с большой осторожностью, дабы не подорвать общественное мнение о народном суде. Я полагаю бы всю подготовительную работу о семейно-имущественных разделах оставить за обществом (т.е. селением, откуда происходят делящиеся) и вот почему: общество хорошо знает семейные отношения делящихся, оно видит их имущественное состояние и, учитывая все это, входит в обсуждение вопроса о том, подлежит ли тот или иной раздел разрешению, или он основан на корыстных целях, противоречащих интересам общества (захват фондовой усадьбы, получение леса на постройку и пр.).

Всякое крестьянское хозяйство должно приносить интерес и пользу не только государству, но и тому обществу, где оно находится, и поэтому я высказываюсь за то, чтобы в семейно-имущественных делах не были забыты права общества и последнее не было бы отброшено за борт, так как, хотя круговой поруки и нет, все же общественное мнение даст ценные директивы суду в деле производства семейно-имущественных разделов.

Таким образом, на мой взгляд, подготовка дела к семейно-имущественному разделу должна облюбить следующие принципы:

Раздел допускается только тогда, когда в семье есть наличие ссор, ведущих к разорению хозяйства, достаточная обеспеченность живым и мертвым инвентарем и достаточное количество рабочей силы (не менее 2 работников на каждое хозяйство).

Примечание: достаточным следует признать, если на каждое хозяйство после раздела приходится не менее 1 лошади, 1 коровы, 1 комплекта упряжи и сельско-хозяйственных орудий (телеги с колесами, бороны, плуга и т. п.), по 1 постройке для жилья (или достаточное количество заготовленного лесного материала) и по 1 холодной постройке. При неимении лошади или коровы может быть допущена замена другим скотом, по ценности которого можно было бы приобрести тот или иной недостающий предмет. Овин, баня, сельско-хозяйственные орудия высшего значения, косилки, жнейки, сепараторы, если их в хозяйстве по 1 экземпляру должны оставаться в общем пользовании делящихся при обязательном ремонте на общие средства или до ветхости с оставленным ватем в коренном хозяйстве.

Наличные и высеянные хлеба, а также корм для скота, должны делиться в соответствии с едоками и скотом.

При наличии в семье домохозяина двора, кроме выделяемого члена, еще других равноправных выделяемому членом оставлять часть имущества на последних, если оно превышает норму (ст. 1-я).

Раздел имущества производится по приговору сельского общества (селения), в котором указываются причины, побуждающие к разделу; семейное положение делящихся и распределение между ними имущества. Приговор должен почитаться законным только при условии вынесения его не менее чем половиной домохозяев селения, имеющих право голоса на сходе. На приговор этот недобвольная сторона может подать жалобу в народный суд для отмены его или изменения (в двух-недельный срок со времени его вынесения).

Примечание 1-е: При составлении приговора обязательно присутствие райсельпредседателя, которым таковой по выполнении всех форм (объявленным сторонам под расписку и засвидетельствованным) представляется в волзеуправление для внесения в книгу, а затем по истечении 2-х-недельного срока направляется в народный суд вместе с поступившими жалобами заинтересованных сторон на рассмотрение, а если жалоб не поступило, то на утверждение. Решение нарсуда приводится в исполнение волисполкомом.

Примечание 2-е: В случае если хозяйство делящихся не входит в состав общества (например, хуторское) вместо приговора составляется акт в составе члена волисполкома, райсельпредседателя и понятых по приглашению последнего.

Присутствие делящихся при составлении приговора или акта безусловно необходимо и составление этих документов должно производиться обязательно в месте расположения делимого имущества.

Как к приговору, так и к акту должна быть приложена опись имущества делящихся за подписью сторон и понятых.

Лица, не имеющие связи с хозяйством с 1917 года, безусловно на выдел имущества права не имеют.

Примечание: к этим лицам не относятся лица, отвлеченные войной.

Таковы краткие соображения по делам о семейно-имущественных разделах. Я надеюсь, что недостатки их при дружном участии коллег восполнятся и мы придем к арену революционного правосудия с полным уверением в том, что пролетарий сознательно и всесторонне обсуждал жизненные вопросы своего права.

А. Чернов.

Заметки судьи по делам о выселениях.

Широкой войной НЭП проникает за последнее время в народные суды в виде исков о выселении. Городские районы судов наполняются подобными делами. Причины выселения различны. Наряду с действительной необходимостью, вызывающей такие дела, истцы прибегают и к маскировке этой необходимости. Одни из истцов указывают на неплатеж денег квартирантом, другие — на невозможность совместного жительства, третьи — на умышленную порчу помещения, четвертые — на необходимость ремонта и пр. Иногда указывают несколько таких причин вместе, а иногда просят о выселении просто потому, что истец купил дом, в котором хочет поселиться сам, как собственник.

Преобладают мотивы так называемой «необходимости» ремонта, в подтверждение чего неуклонно представляются письменные акты технических осмотров с неперемными указаниями на скорпионы, которые ждут ответчика в случае невыселения, как-то «трещины печей», угрожающие пожаром, «гнилые концы балок», благодаря которым возможен обвал потолка или провал пола и т. д. Не скупятся истцы и на другого рода доказательства, лишь бы поскорее развязаться с неудобным жильцом. Последние же в большинстве случаев и не прочь были бы выселиться добровольно, но общий жилищный кризис лишает их возможности подыскать помещение, каковое не в состоянии предоставить и коммунальный отдел.

Несмотря на все убеждения и разъяснения со стороны суда о таком положении, подавляющее большинство истцов бывает неумолимо, требуя рассмотрения дела и выселения.

Встретившись с таким вопросом на практике, мы считаем, что к делам о выселении в переживаемое тяжелое (в смысле большого сокращения жилой площади) время следует подходить с чрезвычайной осторожностью.

Народный суд, как стоящий на страже интересов трудящихся, с одной стороны, должен войти в положение выселяемого, которому в случае удовлетворения иска придется выходить чутли не на улицу, с другой же стороны, необходимо иметь в виду скорейшее и действительное восстановление несколько лет разрушавшихся строений.

Учитывать суду приходится как еще не искоренившийся среди многих квартирантов и сложившийся за революционный период своеобразный размах «ломай все старое буржуазное», так и замыслы некоторых «хозяев», стремящихся под разными соусами лишь отделаться от нежелательных им лиц.

Бывают случаи, когда домовладелец, не имея возможности выселить квартиранта, только поэтому продает свой дом другому, который на правах нового хозяина начинает дело о выселении с целью занять купленный дом для себя.

Кроме того, народному суду приходится также учитывать большой вред принудительных выселений и уплотнений в случаях удовлетворения

иска, к которым вынужден будет прибегать коммунальный отдел при размещении выселяемых. Подобные принудительные меры, вызванные чрезвычайно тяжелым жилищным кризисом, однако, очень вредно отразились и отражаются на жилищных и крайне тормозят их так необходимое теперь восстановление. В действительности выходит, что какие бы меры не принимали в отношении обязательства хозяев помещений держать таковые в должном порядке, при наличии принудительных уплотнений и выселений неудобных владельцам помещений лиц, меры эти в большинстве случаев не только не достигают желанной цели, но наоборот, ухудшают положение.

Мы не можем в этой краткой статье обрисовать подробно все те положения, которые могут вытекать из исков о выселении, а лишь попытались затронуть более или менее существенные доводы за и против этой крайней, в данный момент, меры.

По затронутым вопросам считаем необходимым сделать следующие выводы: народные суды по делам о выселении должны соблюдать сугубую осторожность и осмотрительность, серьезно взвешивая все данные как за, так и против выселения. Для этой цели рекомендуем не решать подобные дела исключительно в стенах здания суда, а в полном составе производить осмотры и выяснение вопроса на местах, ибо такой способ, с одной стороны, положит предел неправильным домогательствам истцов, с другой же стороны, даст суду ясную картину действительного положения вещей. По формальным только соображениям о неплатеже денег за квартиру от выселений воздерживаться, применяя способ присуждения причитающейся суммы истцу с допущением в несомненных случаях предварительного исполнения решения.

При доводах истцов о невозможности совместной жизни, в особенности, об умышленной порче помещения и необходимости ремонта, применять рекомендуемый нами способ — осмотр и выяснение на месте. В случае порчи обязывать ответчиков в определенный срок произвести исправление.

Хотя этот способ некоторые могут считать для судов, при большом количестве у них дел, обременительным, но в виду крайней серьезности вопроса с выселениями его необходимо продолжать.

Практика уже показывает, что один слух по городу об осмотре судом помещений на месте надевает на некоторых узду, заставляя их воздерживаться от вчинения исков, не вызывающихся действительной необходимостью. Наоборот, поспешное решение суда может иногда остаться лишь на бумаге, ибо подлежащих выселению лиц некуда будет поместить.

Таким образом, следует достигать такой цели, чтобы и решение народного суда могло бы быть фактически приведено в исполнение и не тормозилось бы действительное и так необходимое восстановление приходящих в негодность строений.

В отношении выселения по мотивам покупки дома и занятия его покупщиком для себя следует иметь в виду, что фактом покупки дома новый владелец не приобретает больше прав, нежели старый владелец, и все отношения его к арендатору помещения регулируются обязательными для всех жилищными законами.

В заключение выражаем пожелание, чтобы по

этому поводу высказались товарищи, соприкасающиеся на практике с этим вопросом, ибо хотя с изданием декрета от 27 апреля 1922 года (Изв. ВЦИК от 3 мая, № 96) настоящий вопрос получил известную ясность, но именно благодаря закону несомненно количество исков о выселении увеличится.

И. Сорокин.

К вопросу о границах действия условного осуждения.

По данному вопросу помещена была в настоящем журнале (№ 8 от 23/II с. г.) статья тов. Б. Янчевского под заглавием «К вопросу о границах применения условного осуждения». В этой статье автор проводит ту основную идею, что названный вид осуждения должен быть ограничен такими условиями, при наличии которых условно-осужденный должен быть **безусловно** освобожден не только от наказания, но и от записи его судимости в уголовном розыске. «Только тогда, говорит автор, гражданин может чувствовать себя свободным, исправившимся, честным, каким он был до совершения преступления». С этой идеей автора, однако, можно согласиться только наполовину, а именно, лишь в отношении необходимости установления—законом или судом—определенных границ действия условного осуждения. За таковыми границами факт этого осуждения не должен иметь влияния при назначении наказания за возможное повторение условно-осужденным тождественного или однородного деяния с тем, за которое судом было вынесено условное осуждение.

Другое дело—вопрос о сохранении или уничтожении записи о судимости условно-осужденного в уголовном розыске; подобная отметка в нравственном формуляре такого осужденного ни при каких условиях не должна быть уничтожаема и, наоборот, должна пожизненно для него там храниться, как своего рода особое «memento mori». Дело в том, что в приведенной статье автор рассматривает поставленный им вопрос лишь с одной стороны, а именно с точки зрения морального самочувствия самого осужденного по поводу учиненного им преступления, совершенно игнорируя вопрос о степени опасности его для общества в будущем, вопрос, являющийся безусловным для самого права допущения судом условного осуждения, согласно ст. 26-й «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР». Равным образом, необходимо в настоящем вопросе иметь в виду то обстоятельство, что при назначении меры воздействия суд, по силе тех же «Руководящих начал» (ст. 11), наряду с другими важными обстоятельствами дела, учитывает прежде всего **прошлое** обвиняемого и вопрос о том, является ли последний профессиональным преступником (рецидивистом) или **первичным**. Мало того, при перечислении необходимых условий допущения судом услов-

ного осуждения «Руководящие начала» ставят во главу угла факт совершения обвиняемым преступления **впервые** (ст. 26). Спрашивается, каким же путем суд будет в состоянии устанавливать один этот факт по повторении условно осужденным данного преступления, если запись о первой судимости его в уголовном розыске к тому времени, за истечением известного срока, будет совершенно уничтожена, как это рекомендует тов. Янчевский. Если даже допустить, что условно осужденный за время периода испытания исправился настолько, что за этот срок он больше не вступал на путь преступления, то все же безопасность общества со стороны такого уже заклеймившего себя уголовной судимостью гражданина, бесспорно, будет менее гарантирована, чем со стороны другого гражданина, ни разу еще не судившегося, ибо раз совершившееся не может считаться не совершившимся. Как бы незаметно данным преступлением ни была со стороны условно осужденного порвана нить его прежней честной жизни, все же больший или меньший антиморальный узел в этой нити неизгладимо должен остаться на всю его дальнейшую жизнь.

Помимо приведенных соображений, превращение морального анамнеза (сведения о состоянии больного перед болезнью) условно осужденного в «tabula rasa» (чистый лист), как это предлагается автором, с уничтожением спорной записи о судимости, неизбежно устраняло бы в таком осужденном последний удерживающий от рецидива чувствительный тормаз, являющийся в сознании, как уже указано выше, постоянным предостерегающим «memento mori».

Что касается ссылки автора на указание Ф. Листа о том, что по истечении периода своего испытания условно осужденный «возвращается в круг незапятнанных людей», то это указание можно принимать лишь с оговоркой—«впредь до повторения таким осужденным данного преступления». Факт же **повторения** последнего преступления может быть устанавливаем **только** при условии сохранения в уголовном розыске записи о его судимости.

М. Я. Кантор.

Обзор советского законодательства за время с 19 по 27 апреля 1922 г.

За обозреваемое время опубликованы следующие декреты:

1. Постановление СНК о плате за пользование жилыми помещениями (Изв. ВЦИК, № 89 от 23-го апреля).

Пользование жилыми помещениями объявляется платным. Плата взимается с 1-го мая 1922 года. Размер платы устанавливается местными исполкомами, основаниями для расценки жилой площади должны служить: количество расходов по домоуправлению, падающих на единицу (квадратную сажень) площади, степень благоустройства и расположение домовладения, но расценка эта ни в коем случае не должна превышать 160.000 руб. в месяц за квадратную сажень для служащих и рабочих государственных и приравненных к ним предприятий и учреждений и для учащихся в государственных учебных заведениях и 240.000 руб. в месяц для рабочих и служащих частных предприятий. Эти предельные максимумы обязательны также в отношении членов семей служащих и рабочих и распространяются лишь на жилую площадь, отведенную в пределах норм по 16 квадратных аршин на каждого члена семьи рабочего и служащего. Дополнительная площадь в размере 20-ти квадратных аршин на лицо, предоставляемая некоторым категориям рабочих и служащих на основании декрета СНК от 25-го мая 1920 года (Собр. Узак. № 52, ст. 227), оплачивается по вышеуказанному тарифу. Всякие излишки сверх нормы оплачиваются рабочими и служащими в повышенном размере по тарифу, устанавливаемому исполкомами. К рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений приравниваются члены семей красноармейцев, состоящие на иждивении последних. Для государственных учреждений и предприятий узаконяется несколько иной порядок установления и размер платы: они оплачивают занимаемые под канцелярии жилые помещения по свободному соглашению с домоуправлениями или домовладельцами, причем высшая плата за одну квадратную сажень в месяц определяется декретом в сумме 320.000 руб. Частные лица, не состоящие на какой-либо службе, а также все предприятия и учреждения, кроме государственных, оплачивают занимаемые ими помещения по свободному соглашению с домоуправлениями или домовладельцами. От квартирной платы освобождаются инвалиды войны и труда.

Нельзя сказать, чтобы декрет удачно разрешил наболевший вопрос о квартирной плате. Предельные, максимальные тарифы, единообразно установленные для всей территории РСФСР, окажутся большой льготой для таких местностей, как Москва и Петроград, и большим обременением для незначительных уездных городов. Отсутствие у местных властей ресурсов на поддержание в надлежащем виде домовладений побудит их держаться при исчислении квартирной платы ближе к устанавливаемым декретом максимумам ее. Декрет совершенно умалчивает, в каком размере должна взиматься эта плата до того

момента, когда местными исполкомами будет произведена расценка жилой площади, а практика эту плату уже устанавливает в максимальных размерах.

Далее указан порядок взимания платы и места, куда она должна быть вносима, но ни слова не говорится о порядке ее расходования. Повидимому, декрет рассматривает каждое домовладение, как самостоятельную хозяйственную единицу, переводимую на положение самокупаемости, но не исключено предположение, что квартирная плата, вносимая домоуправлениям муниципализированных строений, должна будет поступать в кассу коммунотделов. В таком случае, однако, нельзя ожидать быстроты в удовлетворении насущных потребностей домовладений в ремонте, получении необходимых материалов и т. д. Государственные предприятия и учреждения оплачивают порядком, указанным в декрете, занимаемые ими для канцелярий жилые помещения. Но что разуметь под канцелярией и что, если такое помещение занято не под канцелярию государственным предприятием или учреждением?

Наконец, в п. 6 декрета следовало бы сделать указание, что речь идет только о жилых помещениях, иначе можно подумать, в противоречии с декретом от 20-го октября 1921 года, что порядком, указанным в этом пункте, сдаются все без исключения помещения под частные предприятия и учреждения, т. е. и торговые помещения и склады.

2. Постановление ВЦИК об упразднении института комиссаров на транспорте (Изв. ВЦИК от 27-го апреля, № 92). Достоинно замечания, что основанием к изданию декрета послужил, между прочим, перелом в отношениях многих и многих специалистов к советской республике.

3. Об акцизе со свекловичного и крахмального сахара (там же). Акциз устанавливается в размере 10-ти миллионов рублей с пуда свекловичного сахара (песок, рафинад и пресованный сахар) и 4-х миллионов рублей с пуда крахмального в жидком и твердом виде (крахмальная патока, глюкоза и рафинированный сахар), освобождается от акциза черная патока (меласса). Привозимый из заграницы тростниковый сахар приравнивается к свекловичному в отношении оплаты акцизом. Все заводы и заведения, изготовляющие свекловичный и крахмальный сахар, регистрируются в местных губфинотделах. Декрет будет вводиться в действие в отдельных местностях РСФСР постановлениями Народного Комиссариата Финансов.

4. Постановление ВЦИК о порядке применения амнистии к неплательщикам продналога (Изв. ВЦИК, № 87 от 21-го апреля). Постановление уточняет порядок применения декрета ВЦИК от 27-го февраля (Изв. ВЦИК, № 49 от 2-го марта 1922 года). Амнистия распространяется на все губернии и области РСФСР. Личные взыскания слагаются непосредственно в силу амнистии, имущественные—только по ходатайствам губисполко-

мов перед Президиумом ВЦИК на каждый отдельный случай.

Дела о налоговых правонарушениях разбираются на 4 категории:

а) еще не разрешенные трибуналами и народными судами в судебном порядке прекращаются, а несданная часть налога зачисляется в недоимку в порядке декрета СНК от 14-го марта 1922 года (Изв. ВЦИК, № 62 от 17-го марта 1922 года);

б) дела, приговоры по коим еще не вошли в законную силу—по ним осужденные от всякого наказания освобождаются, а недоимки определяются порядком, указанным для первой категории дел через уисполкомы;

в) дела, по коим приговоры вошли в законную силу—по ним осужденные освобождаются лишь от личных наказаний;

г) наконец, дела, приговоры по коим уже обращены в исполнение—освобождение от личного наказания применяется губернскими распределительными комиссиями.

5. **Постановление ВЦИК и СНК о передаче Народному Комиссариату Труда государственных функций охраны труда** (там же). Все государственные функции охраны труда—в частности, инспекция труда, санитарная и техническая—из ВЦСПС передаются в Народный Комиссариат Труда в отмену декрета СНК от 12-го мая 1921 года (Собр. Узак. № 48, ст. 238, 1921 года).

6. **Декрет СНК о выпуске в обращение срочных безпроцентных обязательств РСФСР образца**

1922 года. Новые обязательства выпускаются достоинством в 5 тысяч и 10 тысяч рублей в валюте денежных знаков образца 1922 года и соответственно приравниваются к 50-ти и 100 миллионам руб. кредитных знаков прежних выпусков.

7. **О плате за проезд пассажиров, а также за перевозку багажа и грузов по путям сообщения.** Ставки, предусмотренные схемами тарифов по пассажирским и багажным перевозкам, действовавших до 10-го июня 1917 года, а по грузовым—до 1-го января 1921 года, увеличиваются в 400 тысяч раз. Такое увеличение действительно на время с 15-го апреля до 1-го мая 1922 года. С 1-го мая вышеуказанные ставки увеличиваются в один миллион раз.

8. **Декрет СНК об изменении такс Народного Комиссариата Почт и Телеграфа за пользование почтой, телеграфом, радио-телеграфом и телефоном** (Изв. ВЦИК от 25-го апреля, № 90).

9. **Временное положение о местных таможенных учреждениях—декрет СНК** (Изв. ВЦИК, № 88 от 22-го апреля).

10. **Постановление СНК об отмене декрета от 30-го июня 1920 года** (Собр. Узак. № 65, ст. 283—1920 года). Руководство культурно-просветительной деятельностью в местах лишения свободы согласно новому декрету из ведения Народного Комиссариата Просвещения переходит в ведение Народного Комиссариата Юстиции.

В. Аронович.

СУД И ЖИЗНЬ.

Удар по церковной контр-революции.

Еще один большой процесс... Суд как бы иллюстрирует, что он живет и работает с революцией в непрерывном контакте.

Постоянно мы видим отражение злободневных вопросов—то, что называется политикой дня—проходящих, как в калейдоскопе, перед судом.

Крупный исторический акт—изъятие ценностей из церквей для спасения миллионов голодающих встречает сопротивление в лице некоторой части духовенства и близких к ней друзей и тут же, как живое последствие этого общественного явления, перед московским революционным трибуналом в течение 10 дней держали ответ контр-революционеры, воспротивившиеся осуществлению воли рабочих и крестьян. На суде выяснилось, что косность духовенства, его чисто языческое отношение к «священным» сосудам, ризам и т. п. церковному имуществу, наконец, стяжательные мотивы—нежелание расстаться с драгоценностями—не были единственными мотивами сопротивления. Самая форма сопротивления—апеллирование к массам с амвона—превратила этот вопрос из узкоцерковного в вопрос политической борьбы с советской властью.

Помимо чисто политического интереса, процесс этот, которому уделялось так много внимания на страницах советской прессы, имеет, конечно, и большое юридическое значение с точки зрения толкования декрета об отделении церкви от государства.

Одна часть защиты старалась оправдать своих подзащитных законностью церковной организации—всех этих

епархиальных советов, канцелярий епископа и патриарха—базируясь на том, что такие организации фактически существуют на глазах советской власти и этим самым как бы узаконяется за этими организациями возможность иметь свое особое церковное право, действующее вразрез с распоряжениями советской власти. Но представители обвинения и суд неоднократно в течение процесса опровергали это казуистическое извращение декрета об отделении церкви от государства и указывали, что борьба идет не с церковью, как организацией, и не с привлеченными священниками, как членами церковной организации, а с отдельными лицами за определенные преступные действия внутри церковных ячеек.

Каково содержание процесса и мотивы преступных действий привлеченных лиц?

Советская власть, изыскивая способы спасти от голодной смерти миллионы голодающих крестьян, издала декрет об изъятии ценностей. Казалось бы, что этот вопрос не может вызвать никаких сомнений! Но всякая возможность улучшения положения трудящихся и укрепления советской власти встречается злым и жестоким сопротивлением наших врагов. В Генуе представители хищного империализма пытаются навязать нам свою волю, изыскивая для этого опору в нашей нищете, а за другим рубежом, в Карловицах, собор бежавших из России попов, под председательством заместителя патриарха Тихона—Антония, при ближайшем участии самых черносотенных слуг царя Николая—Маркова, Крупенского и др. обсуждает вопрос о введении в России монархи-

ческого строя и утверждает программу действий: голод, холод и эпидемии.

И черносотенное духовенство в Москве в контакте с программой своих зарубежных братьев пытается претворить в жизнь эту человеконенавистническую программу и своими выступлениями, проповедями, распространением воззвания Тихона, создает в темных кругах атмосферу, враждебную советской власти.

Но сорвалось... Все эти страшные предупреждения патриарха Тихона, что прикоснувшийся к церковным чашам мирянин должен быть отлучен от церкви, а священник, сделавший то же самое, извергается из сана—разбиты о здравый смысл самих верующих и части духовенства, которые непосредственно своим чутьем поняли, что важны и ценны милосердие к ближнему—спасение голодающего, а не слепое исполнение застывшей веками догмы.

Хитрая политическая игра Тихона раскрыта. Его ставка бита. Он и его соратники массами не поддержаны и советской властью призваны к суровому ответу.

В своих показаниях, данных трибуналу, Тихон избегал прямых ответов на вопрос, противоречит ли христианской морали изъятие церковных ценностей для оказания помощи голодающим и что важнее с христианской точки зрения: накормить ли голодных путем реализации драгоценностей, или оставить ценности в церквях для благолепия. Ответ неизменно получался один, что он, патриарх Тихон мыслит по канонам, которыми такое изъятие трактуется, как святотатство. Отделение церкви от государства патриарх Тихон понял довольно своеобразно. По его представлению церковь не есть организация частного характера с узкими задачами обслуживания в религиозном отношении верующих, а государство и церковь,—это две равнозначущие величины. Государство декретирует изъятие ценностей, а он, патриарх Тихон, как «царь» церкви, с этим не соглашается. Да, говорит Тихон, по советским законам изъятие допустимо, а по церковным недопустимо, и вразрез с декретом выпускает воззвание, возбуждающее население, вызывающее эксцессы. Только контр-революционное направление мысли, ненависть к рабоче-крестьянской власти могли вдохнуть Тихона на составление такого воззвания, которое по содержанию своему как бы является приказом по церковной линии, отменяющим распоряжение советской власти.

Быть может еще много лет минет, пока русский крестьянин сбросит с себя те моральные оковы, в которых ве-

ками держала его царская власть вместе с духовенством, однако, допуская в настоящее время существование церкви, советская власть ставит ей предел дозволенного.

«По вашим законам воззвание мое есть контр-революционный акт, а по церковным я имел право такое воззвание выпустить», таково показание Тихона и воззвание было выпущено, и взбудоражило умы темных масс, и следствием его было нападение на красноармейцев, участвовавших в качестве охраны при изъятии ценностей, и пролитие их крови.

«Мы действовали по каноническим церковным законам» заявляем перед ревтрибуналом хладнокровный подстрекатель темных сил, бандит в рясе «святейший» контр-революционер Тихон и ему вторили и проводили в жизнь эту программу ближайший его помощник епископ Никандр и благочинные церковью города Москвы и другие мракобесы.

Московский революционный трибунал вынес свой приговор. Последний оплот контр-революции—черносотенное духовенство—получило жестокий исторический урок. Часть из самых активных приговорена к расстрелу, часть к принудительным работам на пять и три года. Жестокую кару понесли и привлекавшиеся по суду представители той части интеллигенции, которая полученное ею высокое образование не использовала для просвещения масс, а напротив, как и поны, поддерживала религиозные предрассудки темных людей, используя их для борьбы против советской власти (профессор Ефимов, инженер Брызгалов). Рядом с ними наказаны также непосредственные погромщики и подстрекатели толпы, как Раханов, Бруслова, студенты Башкировы и др...

Патриарха Тихона и епископа Никандра, фигурировавших в процессе в качестве свидетелей, трибунал постановил привлечь к ответственности, назначив следствие по их делу.

Этот приговор должен отрезать духовенство и указать ему границы дозволенного. Да—силой пропаганды, силой культуры, а не физической силой советская власть преодолевает религиозную косность невежественных масс, но мы не допустим повторения опыта, продленного Тихоном и его единомышленниками, не допустим существования «государства в государстве», а церковную организацию потерчим только для исполнения прямой ее цели; если же духовенство на каком-нибудь ином повороте нашего революционного шествия опять станет как преграда, то жестокая революционная расправа всегда будет для нее наготове.

И. Ростовский.

Сопrotивление изъятию церковных ценностей.

(Из залы Московского Ревтрибунала)

С 26-го апреля по 8-е мая под председательством г. Бека в Московском Ревтрибунале слушалось дело по поводу сопротивления изъятию церковных ценностей.

На скамье подсудимых 54 обвиняемых, в числе которых благочинные, просто священники, монахи, два профессора, инженер, 3 студента, члены приходских советов типа церковных старост, женщина-интеллигентка Бруслова, мелкие торговцы и случайная публика, как напр., два рабочих, забранных в пьяном виде.

В обвинительном акте устанавливается вина духовенства не только в сопротивлении изъятию ценностей, а также в том, что оно пыталось использовать этот момент в контр-революционных целях. Факты сводятся к следующему:

7-го марта у архиепископа Никандра было созвано собрание благочинных г. Москвы. На этом собрании, после беседы

о церковной дисциплине и необходимости поднять ее, было оглашено воззвание патриарха. В воззвании говорится: «Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей вопрекается канонами вселенской церкви и карается ею, как святотатство, миряне—отлучением от нее, а священнослужители—низвержением из сана». На том же собрании обсуждался вопрос о способах сопротивления изъятию ценностей и духовенство призывалось к составлению «протестов» против изъятия священных сосудов для подачи во В. Ц. И. К.

После этого собрания по церквям были разосланы воззвания патриарха и образцы протестов. По всей епархии для их оглашения стали созываться собрания приходских советов и собрания верующих. Произносились проповеди, в которых ве-

рующие призывались к сопротивлению изъятию ценностей и, вообще, всячески велась агитация, политическая и религиозная. Результатом всей этой кампании явилась подача во ВЦИК многочисленных протестов, а также ряд волнений и эксцессов во время фактического изъятия. У церкви Богоявления в Дорогомиллове несколько красноармейцев оказалось тяжело ранеными.

Первое впечатление, которое выносятся от этого процесса, это то, что и воззвание патриарха, и вся деятельность духовенства, не нашли отклика в массе верующих. Контр-революционный замысел сыграть на темноте народа не удался.

С самого начала процесса чувствуется, что весь центр тяжести лежит в воззвании патриарха и в той роли, которую играли высшие церковные власти.

Несколько дней длился допрос обвиняемых. Свое присутствие на собрании у Никандра, оглашение воззваний и протестов они не отрицают, но вину свою при этом они не признают, так как действовали они таким образом под давлением церковной дисциплины. К делу изъятия ценностей относятся многие из них сочувственно, но до известных пределов. В оценке воззвания патриарха обвиняемые расходятся. Все они при этом отвечают несколько уклончиво, избегая высказывать определенное суждение.

По мнению обвиняемого священника Заозерского, воззвание патриарха и декрет ВЦИК не стоят в принципиальном противоречии.

Священник же Орлов заявляет, что если бы патриарх Тихон благословил дело изъятия, то не было бы может быть и шуйских и московских событий. По мнению священника Михайловского, воззвание является «опасным» и он не решился даже прочесть его в церкви до конца.

На собрании у Никандра были даны директивы, чтобы на собраниях верующих председательствовали миряне, и эту роль выполняли профессор уголовного права Ефимов и ему подобные «лояльные», как они выражаются, граждане. Профессора и церковники, казалось бы, что общего? Не даром обвинитель тов. Логинов заявил, — «лучше бы, если эти профессора торговали просфорами в церкви, нежели занимались наукой». Студенты Башкировы и Юргенсон, а также Брусилова и др., вели контр-революционную агитацию около церкви во время изъятия ценностей.

Обвинение подчеркивает, что воззвание, говорящее о «святоотчестве», было провокацией темной массы, что, наконец, агитация против декрета В. Ц. И. К. от 16-го февраля 1922 года неизбежно вела к эксцессам и это должно было сознавать духовенство. На долю темной массы выпала непосредственная бандитская задача физического сопротивления. Свидетели — красноармейцы нарисовали картину того, как 2-хтысячная хулиганствующая толпа, окружив небольшую охрану, загнала последнюю в притвор церкви тучей камней, после ранения большинства красноармейцев, выбив камнями и несколькими выстрелами стекла в церкви. В одном из подсудимых — Раханове, свидетели согласно опознают громилу, который, все время целясь в командира охраны, бросался камнями, выбирая самые крупные, фунтов по 12-ти.

Одним из самых интересных моментов в процессе был вызов экспертизы. Экспертами являлись профессор Кузнецов, епископ Антонин, священник Ледовский и священник Калининский. Экспертиза признала, что воззвание патриарха не является религиозным воззванием и единогласно признала что ссылка патриарха на каноны неправильна. Профессор Кузнецов формулировал «святоотчество», как похищение церковного имущества и употребление его на небогослужебные цели.

Что касается формы изъятия, то экспертиза указывает на ряд исторических прецедентов. Епископ Антонин заявляет,

что безразлично, кто будет обращать сосуды в слитки — священник или литейщик, и указывает на те случаи, когда сосуды отдаются в починку и мирянин принужден дотрагиваться до них.

«Что выше, по учению христианства — благолепие храма или дело милосердия. Милости прошу, а не жертвы» — приводит слова Христа епископ Антонин.

«Каноны, — говорит епископ Антонин, это церковное право. Право же есть минимум нравственности. Поэтому не исключается и более высокий нравственный подвиг — мученичество».

Другим наиболее ярким моментом является допрос в качестве свидетелей архиепископа Никандра и патриарха Тихона.

Показания Никандра сбивчивы и неясны. Никандр вовсе отрицает, что на созванном у него собрании он оглашал воззвание патриарха и протесты. Действительно, он видел один такой протест, но посоветовал его даже разорвать благочинному. Несмотря на очную ставку с благочинным, Никандр продолжает отрицать факт оглашения им воззвания. Что же касается рассылки воззвания и протестов, Никандр заявляет, что он передал их Епархиальному Совету. Но Кедров, председатель этого совета, утверждает, что совет был в то время закрыт и что по его распоряжению никто не оставался дежурить. Он утверждает также, что разослать воззвание мог только Никандр через свою личную канцелярию. Доказательством этого является то, что благочинный получил эти бумаги без обычных препроводительных бумаг Епархиального Совета.

Трибунал постановил:

Привлечь Тихона и Никандра к ответственности и начать следствие о них.

«Обвиняемые судятся, говорит обвинитель т. Лунин, не за свое участие в организации, именуемой «православной иерархией», а за то, что использовали эту организацию в контр-революционных целях. Духовенство хочет открыть новый фронт, церковный, Трибунал должен ответить сокрушающим ударом».

«Дым без огня... Кровь налицо... Раненые красноармейцы налицо. А преступников нет?» говорит в своей речи обвинитель Логинов. «Нет они есть, они на скамье подсудимых. Было сделано все, что сможет сделать человек, посящий ясу».

«Церковь никогда вне политики не была. И никто не может быть вне политики. Все общество разбито на классы и церковь защищала интересы определенного класса, — класса капиталистов. Дело в том, что политика Советской власти иная, чем та, которую проповедует церковь. После того, как открытая вооруженная контр-революция, после того, как зарубежная эмиграция никакими силами не смогли свергнуть Советскую власть, новая сила была направлена против нее — православная иерархия и ее способности борьбы с Советской властью были — голод, холод и эпидемии. Вот почему духовенство против изъятия ценностей, вот почему оно всячески противится этому изъятию. Голод — это их программа. И мы знаем, что церковно-монархический собор заграничный в Карловцах под председательством Антония Вольнского признал, что единственная возможность свалить Советскую власть — это голод, холод и эпидемии».

Защитники в своих речах подчеркивают то значение, которое имела в России обрядовая сторона религии и символики, вообще. Психологически было бы непонятно, если бы декрет ВЦИК об изъятии ценностей был встречен равнодушно и без всякого обсуждения этого вопроса. «Надо помнить, что у человека верующего все внешние впечатления преломляются через призму его веры», говорит защитник Комодов.

Защита пытается также дать юридический анализ инкриминируемых преступлений.

Преступление оценивается с точки зрения субъективной виновности, злой воли, а не с точки зрения объективных результатов. Поэтому нельзя вменить в вину священникам те беспорядки, которые происходили у храмов. Нужно доказать еще, хотели ли они вызвать эти события, было ли у них такое преступное намерение.

В своей реплике, остроумно разбивая доводы защиты, обвинитель Логинов кончает:

«Вы взываете к милосердию и я взываю к милосердию».

«Граждане судьи, пощадите народ и оторвите голову контр-революции».

После 14-ти часового совещания Ревтрибунал в 11 час. утра 8 мая вынес следующий приговор:

Заозерского, Добролюбова, Надеждина, Вишнякова, Орлова, Фрязинова, Соколова В., Телегина, Брусилову, Тихомирова, Роханова подвергнуть высшей мере наказания—р а с т р е л я т ь.

Розанова, Пospelова, Кедрова, Крючкова, Надеждина и Лепехина подвергнуть заключению в дом лишения свободы сроком на 5 лет каждого.

Забавина, Башкарева В., Башкарева А., Зерцалова, Воркунову, Юргенсон, Асафова, Ефимова, Чернышева, Мотылева, Новикова, Черненко, Брызгалова подвергнуть заключению в дом лишения свободы на три года каждого.

Никольского, Соколова В., Калагаева, Петрова, Иванова, Иконова, Птушкина, Барщева, Соломина, Губицина—подвергнуть заключению в дом лишения свободы сроком на 1 год каждого.

Михайловского, принимая во внимание, что им были приняты меры предосторожности (несколько раз выходил успокаивать толпу, а также не огласил последних слов призывающего к сопротивлению воззвания патриарха Тихона) наказанию не подвергать и из-под стражи освободить.

Пшеничникова, Чернова, Голубева, Циркина, Кузнецова, Павлова, Шости, Воронина считать по суду оправданными и из-под стражи освободить.

Осужденным Розанову, Кедрову, Зерцалову, Чернышеву в виду их преклонного возраста наказание считать условным и из-под стражи освободить.

У всех осужденных отобранные деньги и вещи конфисковать в доход Республики.

СУД НА БОРЬБУ С ГОЛОДОМ.

Народный судья 6 участка Варнавинского уезда Костромской губ. сообщает, что с 1-го по 18-ое марта специально составленной для этого комиссией в пользу голодающих было собрано—4 пуда ржаной муки, 15 п. 25 ф. ржи, 48 п. 8 ф. овса, 4 п. 26 ф. гороха, 23 п. 19 ф. сушеного картофеля, 163 п. картофеля, 190 аршин полотна, белье и деньгами 4 миллиона 800 тысяч.

Все продукты и деньги сданы в уездный помгол. По приговорам же народного суда с 10-го по 13-е апреля взыскано 5 пуд. ржаной муки. Взыскания налагались большей частью за пьянство, хулиганство и т. д.

Ставропольский губисполком сообщает, что 18 февраля 1922 года им был издан приказ, который постановил взимать со всех гражданских сделок, облагаемых пошлиной, дополнительную пошлину в пользу голодающих в следующем размере:

по сделкам ценой до 500.000—¼%;

по сделкам ценой 5.000.000—½%;

по сделкам ценой свыше 5.000.000—¾%;

по сделкам на неопределенную сумму при засвидетельствовании копий и подписей 10.000 рублей.

Со времени опубликования этого приказа по 1-ое апреля 1922 года нотариальным столом при губотюсте взыскано 52.248.550 рублей.

На заседании президиума ставропольского совнарсуда

от 8-го марта 1922 года было постановлено:

1) Предложить всем народным судам и особым сессиям народного суда при постановлении приговоров по уголовным делам налагать на осужденных независимо от основного вида наказания штрафы в пользу голодающих, сообразуясь со средствами осужденных;

2) предложить тем же органам юстиции и народным следователям облагать неявишихся без уважительных причин по вызову этих органов нарзаседателей и свидетелей штрафу в пользу голодающих на вышеуказанных основаниях;

3) предложить народным судам и особым сессиям народного суда конфискуемые в порядке уголовной репрессии вещественные доказательства и имущество осужденных обращать в пользу голодающих, если в законе не содержится прямых указаний на то, что означенные предметы подлежат передаче определенным органам власти;

4) предложить народным судам, особым сессиям народного суда и нарзаседателям при выдаче копий и справок взимать в пользу голодающих 50% суммы, подлежащей взысканию.

Т. т. судьи присылайте в редакцию «Еженедельника Советской Юстиции» отчеты о мерах, принятых вами для оказания помощи голодающим.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего Судебного Контроля.

I.

Решительная борьба с бюрократизмом—задача суда.

В октябре 1921 года управделами Совета Народных Комиссаров было предложено М. Ч. Б. произвести срочное расследование о волоките в научно-техническом отделе

ВСНХ с привлечением виновных к ответственности. Произведенном МЧБ расследованием, а также обследованием смешанной комиссией, в состав которой также входила РКИ, установлена чрезвычайно малая продуктивность работы НТО. Тем же расследованием МЧБ установлено, что заяв-

ления об изобретениях на много месяцев остаются без всякого движения и даже по делам, которыми непосредственно интересуется управление делами Совнаркома, многократные запросы оставались без всякого ответа.

Дело из МЧК было передано Московскому Ревтрибуналу.

В распорядительном заседании от 10-го марта 1922 года было заслушано заключение следователя-докладчика трибунала и в отношении обвиняемых Петрова, Грузова и других было постановлено дело прекратить за отсутствием достаточных оснований к преданию суду. В отношении же Флаксермана в том же заседании постановлено привлечь его к ответственности по обвинению в волоките, по каковому делу Флаксерман ревтрибуналом оправдан.

Коллегия Отдела Судебного Контроля, ознакомившись со всеми материалами по данному делу и протестом Московского губотдела Госполитуправления, усмотрела, что малодейственность НТО, бюрократическое ведение дела и волокита, действительно, имели место в этом учреждении и объективными условиями в полной мере оправдываемы быть не могут. Московский Революционный Трибунал, прекратив в распорядительном заседании дело в отношении большинства обвиняемых и возбудив преследование против одного из них, Флаксермана, и то лишь в отношении волокиты—сразу дал неправильное направление делу. Управление делами Совнаркома возбудило вопрос, имея в виду борьбу с таким социальным злом, как бездеятельность, волокита, бюрократизм, свившим себе гнездо в некоторых наших государственных и государственно-хозяйственных органах. При рассмотрении таких дел революционный трибунал обязан был проявить особенное внимание, дабы виновные были, действительно, выявлены и не остались безнаказанными. Московский Трибунал в этом деле не проявил той бдительности, которую, несомненно, заслуживало дело НТО, тем более, что бюрократизм и волокита, которые существовали в этом «ученом» учреждении, не раз отмечались в печати. Трибунал не должен был проявлять к делу одно лишь формальное отношение, тем более что в данный момент, когда прокуратура еще не организована, защита интересов государства в судебных учреждениях является обязанностью трибуналов и народных судов.

По делу Флаксермана трибунал не позаботился о назначении общественного обвинителя, что в виду большого общественного интереса было ошибкой. Трибуналу должно было быть известно, что публичное расследование подобных дел с правильной постановкой состязания сторон является одним из средств борьбы с волокитой и бюрократизмом.

В виду изложенного определено: постановление Московского Революционного Трибунала о прекращении дела, а равно и оправдательный приговор в отношении Флаксермана считать не имеющими законной силы, дело направить обратно в Московский Трибунал для постановки процесса в полном объеме.

(Определение по уг. делу № 558—1922 года).

II.

Невозможность совместного проживания, установленная судом, лишает виновного права совместного земледелия.

Гр-кой Анной Корсаковой предъявлен к сыну Павлу иск о выселении из дома по невозможности жить совместно, вследствие постоянных оскорблений и даже побоев. Наличие такого недопустимого обращения подтверждена свидетелями и признана судом доказанной. Ответчик ни на суде, ни в своих жалобах не опровергает возводимых на него обвинений, возражал лишь о подсудности дела не нарсуду, а земорганам.

Уземотдел, рассматривавший право сторон на пользование домом и усадьбой, признал право Корсакова неутраченным, так как перерыв пользования землей был вызван призывом его на военную службу. Это решение не может, однако, поколебать решения нарсуда о выселении, ибо его право на пользование домом и усадьбой не исключительное, а совместно с другими членами семьи, и столь грубое нарушение прав старшего члена, как мать—парализует его совместное право, так как прочие члены не обязаны выносить оскорбления и даже побои только потому, что виновник является членом той же семьи и имеет право пользования наравне с ними.

Решение народного суда в части выселения П. Корсакова утверждено совнарсудом и, следовательно, подлежит немедленному исполнению. Поэтому жалоба Анны Корсаковой на дальнейшее приостановление исполнения заслуживает уважения.

В данном деле, кроме того, имеется пререкание о неподсудности дела, возбужденное уземотделом, оставшееся вовсе необсужденным губсовнарсудом; между тем, помимо того, что столь серьезное обстоятельство, должно было найти себе отражение в решении, все учреждения должны усвоить себе то положение, что пререкания о подсудности разрешаются народными судами, ибо принцип единого народного суда таков, что все споры имущественного характера подсудны ему и лишь в виде исключения некоторые категории дел переданы на разрешение других учреждений, в данном случае земорганов. Это исключение отнюдь не должно толковаться распространительно и всякое спорное дело, основанием которого служит не право пользования землей, а иные правоотношения общегражданского характера, подсудно исключительно народному суду. Таким образом, вопрос о том, порвал ли П. Корсаков связь с землей, или он сохранил право на пользование усадьбой и домом вследствие законности перерыва своего землепользования, правильно относится к компетенции земорганов и только в этих пределах и может быть толкуемо решение рыбинского уземотдела, вопрос же о том имеет ли право П. Корсаков на имущество своего покойного отца, как основанное на декрете об отмене наследования, подведомственен народному суду, тем более только народному суду подсуден иск о выселении вследствие невозможности совместного жительства.

Трудовое хозяйство в силу ст. 9 декрета об отмене наследования переходит к оставшимся родственникам (см. ст. 2) непосредственно, поэтому определение губсовнарсуда о передаче этого вопроса на разрешение отсубеда неправильно, в виду же признания П. Корсакова не порвавшим связи с землей вопрос этот нуждается в дополнительном разрешении народным судом.

Написание проекта возражения на жалобу для истицы Анны Корсаковой рукой народного судьи не является таким вновь оторванным обстоятельством, которое давало бы повод для отмены приговора, так как оно вовсе не относится к существу дела, имело место после его разрешения и представляет собой лишь возражение на жалобу, т.-е. такую бумагу, которая не имеет решающего значения и подача которой не обязательна.

Однако, совершенно несомненно, что народный судья при всем внимании к нуждам сторон должен проявлять свою инициативу лишь в пределах выяснения дела и притом, таким образом, чтобы всякое его действие—расспросы и указания—происходили в публичном заседании, не составляли секрета для другой стороны и не ставили бы судью в положение поверенного. Таким образом, составление судьей судопроизводственных бумаг является действием совершенно недопустимым, так как определено нарушает

равноправие сторон и дает повод к подозрению в отсутствии непристрастия.

По всем этим основаниям Народный Комиссариат Юстиции определил:

1) определение губсовнарсуда в части, касающейся передачи вопроса о праве Павла Корсакова на имущество, оставшееся после отца, на разрешении отозвеза признать не имеющим силы и отменить;

2) определение нарсуда и совнарсуда оставить в силе, а представление губотюста без уважения;

3) предложить губотюсту и губсовнарсуду принять решительные меры к приведению в исполнение решения о выселении Павла Корсакова;

4) предложить Центромелиозему отменить решение УЗО;

5) указать нарсуде, что с 6-ю заседателями слушаются уголовные дела, притом исчерпывающе указанные в 7-й ст. Положения о народном суде.

(Определение по гр. делу № 75—1922 г.).

III.

Украденная лошадь, затем мобилизованная и находящаяся в военном ведомстве, не может быть возвращена собственнику.

В мае 1919 г. у гр. Ободова была похищена лошадь, виновные не были обнаружены, а в июле 1920 года Ободов опознал свою лошадь в г. Витебске у инженерной дружины. Лошадь эта оказалась мобилизованной у неизвестного гражданина для нужд военного ведомства.

30 ноября 1920 года народный суд 7 участка Полоцкого уезда, Витебской губ., рассмотрев дело без вызова и участия представителя инженерной дружины, постановил дело о краже у Ободова лошади за необнаружением виновных прекратить, лошадь же, опознанную у витебской инженерной дружины, возвратить Ободову.

Копия этого приговора 6 декабря 1920 года была сообщена инженерной дружине, комиссар которой отношением от 5 января 1921 года уведомил суд, что без разрешения высшей власти выдать мобилизованную лошадь не может.

Приговор народного суда не был никем своевременно обжалован, вопрос же об оставлении в силе приговора народного суда возбужден военным ведомством.

Отдел юстиции заключает, что приговор народного суда надлежит признать не имеющим законной силы ввиду нарушения 56 ст. Положения о народном суде, т.-е. невызова к разбору дела представителя военного ведомства, как заинтересованного в деле лица.

Народный Комиссариат Юстиции нашел, что народный суд, прекращая настоящее дело за необнаружением виновных в краже лошади, не вправе был постановлять о судьбе лошади, которая была мобилизована и не может быть выдана потерпевшему, так как находится в пользовании военного ведомства для нужд государства.

В данном случае речь могла идти о присуждении Ободову с инженерной дружины вознаграждения за лошадь в порядке удовлетворения гражданского иска, если бы таковой был Ободовым заявлен, но иска в данном случае предъявлено не было в установленном порядке, инженерная дружина, как заинтересованное в деле лицо, вызвана не была, а потому суд, постановивший решение в отношении стороны, не принимавшей никакого участия в деле нарушил 56, 74 и 75 ст.ст. Положения о народном суде.

Приговор народного суда в части возврата инженерной дружиной мобилизованной лошади потерпевшему Ободову не может остаться в силе, а потому на основании п. «а» ст. 2 Положения о Высшем Судебном Контроле НКЮ определен:

Приговор народного суда 7 участка Полоцкого уезда в части возврата Ободову мобилизованной для нужд инженерной дружины лошади в Витебске признать не имеющим законной силы.

(Определение по гр. делу № 277—1922 г.).

IV.

Невручение ответчику повестки о вызове в суд влечет безусловную отмену решения.

По просьбе гражданки Соколовой народный суд расторгнул брак ее с жалобщиком Д. Соколовым и имеющийся у них ребенок оставлен на попечении матери. Повестки жалобщнику о явке к разбору дела народным судом не посылались ввиду представления истицей расписки мужа о согласии на развод.

Жалобщик возражает против отдачи ребенка его бывшей жене, указывая, что он больше в состоянии дать правильное воспитание ребенку, чем гр-ка Соколова, и что ребенок последние 4 года проживал неразлучно с ним в деревне, а также, что гр-ка Соколова, вышедшая вторично замуж, не в состоянии в достаточной степени заботиться о воспитании их единственного сына.

Принимая во внимание, что рассмотрение вопроса об оставлении ребенка у матери без вызова отца и в его отсутствии является грубым нарушением 56 ст. Положения о народном суде и вследствие этого жалобщик был лишен возможности защищать на суде свое право на воспитание своего единственного сына, коллегия Отдела Судебного Контроля определила:

Решение народного суда 1-го отделения Московско-Заставского района г. Петрограда от 2-го декабря 1920 года признать не имеющим законной силы в части, касающейся ребенка, и дело передать для нового рассмотрения по месту жительства гр-ки Соколовой (ныне Балмастовой) во 2-й участок Валдайского уезда Новгородской губернии, о чем сообщить жалобщнику и в Петроградский губернский отдел юстиции.

(Определение по гражд. делу № 217—1922).

* * *

Отдел Судебного Контроля Народного Комиссариата Юстиции объявляет, что жалобы по гражданским делам, подаваемые в порядке высшего судебного контроля в Наркомюст непосредственно или через отделы юстиции, должны оплачиваться 100 руб. гербового сбора (в денежных знаках 1922 года), т.-е. 1.000.000 старых денежных знаков.

Сбор уплачивается или в местный финотдел, квитанция которого должна быть приложена к жалобе, или на сумму сбора наклеиваются почтовые или гербовые марки, но без погашения их, жалобы, не оплаченные гербовым сбором,ставляются без движения.

Отделы юстиции должны строго проводить в жизнь Устав о гербовом сборе (Собр. Уз. за 1922 год, № 9) и за представление дел по жалобам, не оплаченным гербовым сбором, будут ответственны лично заведующие отделами юстиции.

ХРОНИКА.

* * *

Наркомпросом внесен в Малый Совнарком проект декрета об усыновлении. Основные положения проекта сводятся к следующему.

Усыновление допускается в отношении чужих детей, не достигших 12-тилетнего возраста, если они не состоят на попечении своих родителей или если на это выражено согласие родителей. Несовершеннолетние свыше 12 лет могут быть усыновлены только в случае личного их на то согласия.

Усыновители должны быть не моложе 25 лет. Желающий усыновить несовершеннолетнего должен подать об этом заявление в местный отдел народного образования, который через детского социального инспектора или школьного работника производит обследование для установления условий, в которых живет несовершеннолетний, способности подавшего заявление воспитать несовершеннолетнего и охранить его личные и имущественные интересы. Равным образом, указанное лицо выясняет, согласен ли на усыновление несовершеннолетний (если ему 12 и более лет) или же его родители (если они налицо и ему менее 12-ти лет).

Учтя в совокупности все данные обследования, отдел народного образования в положительном случае выдает подавшему заявление об усыновлении разрешение взять к себе несовершеннолетнего, в противном отказывает.

Далее проектом устанавливается определенный испытательный срок, по истечении которого, при условии удовлетворительного результата по содержанию и воспитанию несовершеннолетнего, отделом народного образования выдается разрешение на усыновление. Самый акт усыновле-

ния совершается п/отделом ЗАГС по представлении соответствующих документов и заносится в книгу записей усыновления с одновременной отметкой в книге записей рождений.

* * *

Из разных мест Советской Республики в редакцию поступают письма об отчаянном материальном положении работников советской юстиции. Финансовый кризис отражается прежде всего на тех органах, которые стоят в глазах местной власти на втором или даже на последнем плане. Приходится еще и еще раз указывать на необходимость изменения такого положения. Так нар. судья 1 уч. Козельского уезда, Калужской губ. пишет:

Мы уже 4 месяца не получаем ни копейки, т.-е. с января. Тяжело... В особенности тем, кто не имеет вещей для распродажи. Кроме того, ясно, что не во время выданные деньги теряют чуть ли не 100% своей стоимости. На съезде работников юстиции высказано пожелание об улучшении положения, но вряд ли оно улучшится если не платят жалованье по четверти года. Что делать семейным?

Из Белградского уезда, Курской губ., пишут:

Нету сил никаких больше терпеть. Служащие судебных учреждений три месяца не получают жалованья. Хотя от губотюста давно получено сообщение об открытии кредита, но из Курска привезен слух, что губфинотдел пустил в оборот наши деньги и очевидно до сих пор не может обернуться. Губотюст по этому поводу только нашумел. По настоящему следует проверить это сообщение и предать виновных суду.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Всем запрашивающим о курсах по подготовке судебных работников.

Народный Комиссариат Юстиции имеет ввиду организовать: 1) несколько выпусков двухмесячных губернских курсов, через которые должны пройти почти все судебные работники из числа народных судей и народных следователей, и 2) одногодичные специальные курсы при Институте советского права в Москве и при правовых отделениях

университетов для подготовки квалифицированных судебных работников (народных судей особых сессий по уголовным и гражданским делам, прокуроров и др.).

На эти последние курсы предполагается допускать как судебных работников, так и лиц, не принадлежащих к составу суда, по командировкам губпарткомов, губпрофсоветов, губотделов юстиции и губсовнарсудов.

Открытие курсов того и другого типа задерживается финансовыми затруднениями.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Постановление Совета Народных Комиссаров о выселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ.

1. Выселение граждан из занимаемых ими жилищ может производиться лишь по судебному решению в случаях хищнического отношения к жилью, влекущего за собой разрушение его, или неплатежа квартирной платы.

2. С момента опубликования сего постановления всякие выселения по постановлению жилищных или иных несудебных органов не могут иметь места и лица, виновные в таких выселениях, подлежат ответственности за превышение власти, независимо от гражданской ответственности по искам потерпевших. Изъятие из сего точно устанавливается п. 3 настоящего постановления.

Примечание: За жилищными отделами остается право перемещения учреждений из занимаемых ими помещений в муниципализированных домах с целью уплотнения или рационального размещения учреждений.

3. За жилищными отделами остается право принудительного выселения лиц, живущих в зданиях, выстроенных под школы, больницы, банки.

4. В случаях, когда площадь помещения дает возможность уплотнения жильцов согласно существующих норм, квартиро- и комнато-пользователям предоставляется 2-недельный срок для подыскания сожителей и самоуплотнения. По истечении указанного срока, если уплотнение не произведено, жилищный отдел вправе произвести вселение в помещение или перемещение жильцов в целях уплотнения из одной квартиры в другую в пределах того же дома.

Примечание 1-е. В домах, сданных в аренду жилищным товариществам или иным организациям и лицам, уплотнение производится арендаторами под общим контролем жилищных отделов.

Примечание 2-е. Лица, имеющие право, согласно существующих положений, на дополнительную площадь, не подвергаются уплотнению в пределах этой дополнительной площади.

5. Народному Комиссариату Внутренних Дел совместно с Народным Комиссариатом Юстиции в двухнедельный срок издать инструкцию по применению сего постановления.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров

А. Цюрупа.

Зам. управляющего делами **Смольянинов.**

Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 27 апреля 1922 года.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр № 33.

Всем Отделам Юстиции.

О порядке вызова в судебное заседание обвиняемых, потерпевших и т. д.

Поступающие в НКЮ сведения указывают, что многие народные суды, назначая на каждое заседание довольно значительное количество дел, вызывают всех участвующих в этих делах лиц (обвиняемых, потерпевших, тяжущихся и т. д.) к одному определенному часу.

Рассмотрение всех указанных дел, конечно, затягивается на ряд часов и вызванные к разбору дела лица должны совершенно напрасно терять время в ожидании рассмотрения этого дела, по которому они вызваны.

Ожидание это тем более бывает бесцельным, когда при начале рассмотрения дела выясняется необходимость по той или иной причине отложения его слушанием на другой срок.

В виду изложенного НКЮ предлагает всем губотостам указать подведомственным народам и совнарсуду на необходимость:

1) составлять списки дел, назначаемых к слушанию на то или иное заседание, с тем, чтобы отступления от порядка очереди слушания этих дел производилось лишь в самых крайних случаях;

2) разбивать все назначенные к слушанию дела на группы, по нескольку дел на определенный час и указывать этот час на повестках вызываемым лицам;

3) перед началом заседания просматривать все назначенные дела и при обнаружении, что то или иное дело безусловно не может слушаться в этом заседании, делать тотчас же постановление об отло-

жении этого дела слушанием, объявляя об этом явившимся по делу лицам.

О принятых мерах надлежит известить НКЮ в ближайшем отчете.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

13 апреля 1922 г.

Циркуляр № 34

Всем Отделам Юстиции.

О порядке рассмотрения дел по выселению культурно-просветительных учреждений.

Декретом СНК от 13 мая 1921 г. (Собр. Узак. 1921 г., № 47, ст. 231) было установлено, что все здания, ранее служившие культурно-просветительным целям, должны быть возвращены в распоряжение органов Наркомпроса, и что никакое занятие зданий, ныне занимаемых означенными культурно-просветительными учреждениями, не должно иметь места без особого согласия органов Наркомпроса.

Так как, несмотря на этот декрет, во многих местах РСФСР наблюдалось нарушение изложенного распоряжения, в частности, производились даже массовые выселения школ различными ведомствами, СНК (20-го января с. г.) постановил возложить наблюдение за проведением в жизнь указанного декрета на РКИ совместно с НКВД, которые по соглашению с Наркомпросом признали необходимым направлять все материалы по таким нарушениям в народные суды для возбуждения против виновных уголовного преследования.

Принимая во внимание, важность охранения декретом от 13 мая 1921 г. интересов просвещения и находя, что борьба с указанными нарушителями должна быть самой решительной и энергичной, НКЮ предлагает всем губотостам обязать нароуды рассматривать означенные дела в ближайшие заседания от момента поступления материалов по делу в нароуд.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

20 апреля 1922 г.

Циркуляр № 35.

Всем Отделам Юстиции.

О снабжении экспонатами музея при Управлении Милиции Республики.

При отделе уголовного розыска Управления Милиции Республики существует музей, который собирает все то, что имеет интерес для уголовного-розыска дела, для выработки способов борьбы с преступностью, мер предупреждения таковой и по изучению приемов, употребляемых при совершении преступлений. В нем собираются орудия преступлений и другие вещественные доказательства, рисующие обстановку выдающихся преступлений, фотографические карточки преступников, а также книги и издания, имеющие отношение к уголовно-розыскному делу.

В целях наилучшей постановки дела борьбы с преступлениями необходимо, чтобы указанные предметы, представляющие интерес для музея и находящиеся в распоряжении судебных органов были направлены в этот музей.

В виду изложенного НКЮ предлагает всем отделам юстиции организовать высылку из числа вещест-

венных доказательств, находящихся в распоряжении судебных органов губернии или области, тех предметов, которые собираются музеем при отделе уголовного розыска (Москва, Тверской бульв., 15/а). В тех случаях, когда эти предметы по своим размерам, весу и т. д. могут быть пересланы лишь с значительными затруднениями, судебные органы должны сообщать об этом указанному музею, представляя последнему своими средствами и за свой счет вывозить таковые.

Народный Комиссар Юстиции **Курский**.
21 апреля 1922 г.

Циркуляр № 36.

Завотюстам.

Дополнение циркуляра 25 предлагается дела к а- жам церковных ценностей расследовать и назначать слушанием вне всякой очереди привлекая участие заседании широкие массы населения под личной ответственностью завгуботюстов.

Настоящий № выходит с опозданием ввиду длительной порчи типографских машин. Редакция.

Издатель: Народный Комиссариат Юстиции.

Редактор: Редакционная Коллегия.

ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ

ВЫПУСКАЕТ:

1) „Известия рабоче-крестьянской инспекции“—еженедельный журнал—цена №	200.000 рублей.
2) Алфавитно-предметный указатель всех декретов, приказов, постановлений и циркуляров, издаваемых в Р.С.Ф.С.Р.,—ежемесячная сводка—цена	200.000 рублей.
3) Указатель важнейших статей по различным отраслям советского строительства, опубликованных в общей и ведомственной прессе—трехмесячная сводка	200.000 рублей.

Тираж ограничен.

В складе конторы Информационно-Издательского Отдела Н.К.Р.К.И. имеются следующие издания:

1) Деятельность топливных органов Республики, составленная по ревизионным материалам (в ограниченном количестве)—цена	2.000.000 рублей.
2) Всероссийское обследование детских учреждений за 1921 год—цена	250.000 рублей.
3) М. Ветошкин „Что такое рабоче-крестьянская инспекция“—брошюра—цена	75.000 рублей.
4) Н. Баранский „Роль и задачи рабоче-крестьянской инспекции в связи с новой экономической политикой“—цена	50.000 рублей.
5) С. Слуцкий „Инструкция по ведению учета и делопроизводства по личному составу в советских учреждениях“—цена	150.000 рублей.
6) Отчет о деятельности НКРКИ за первую половину 1921 года—цена	200.000 рублей.
7) Краткий отчет НКРКИ за вторую половину 1921 года, цена	100.000 рублей.

Все издания можно получить в главной конторе Информационно-Издательского Отдела НКРКИ по установленной на Май текущего года цене.

Москва, Поварская 11.